Текст · 18 декабря 2020, 08:48
Юлия Сугуева, Саида Вагабова,

«Вода в дом пришла ночью». 567 жителей дагестанского села требуют компенсаций за свои дома и сады, затопленные при строительстве ГЭС

В 2008 году сотни человек из дагестанского села Ирганай вынужденно покинули свои дома — на месте населенного пункта появилось водохранилище Ирганайской ГЭС. Фруктовые сады и консервный завод, дававшие работу местным жителям, ушли под воду. Больше 12 лет здесь ждали выплаты обещанных государством компенсаций. Наконец, устав от безрезультатных переговоров с властями, 567 ирганайцев обратились в московский суд.

Вода начала затапливать улицы и дома в дагестанском селе Ирганай поздно ночью. Жители криками будили соседей и спешно вытаскивали из своих жилищ все, что могли унести — документы, фотографии, одежду. Так в конце мая 2008 года началось затопление ложа водохранилища Ирганайской ГЭС. Вода прибывала так быстро, что жители не успевали спасти все свое имущество.

— Люди проснулись по колено в воде. Мои родственники там жили, я снимал это все на камеру. Вот я начинаю снимать — такая тишина, гладь, через час — волнение, еще через час — волны резко поднимаются, стены некоторых построек рушатся. Помню, там лежали коробки с яйцами, а через час эти яйца уже плывут по воде, курицы прыгают, пытаются

спастись, — бывший глава села Ирганай 62-летний Магомед Алигаджиев[1] указывает на остатки старого аула, большая часть которого теперь покоится под водами водохранилища.

Село Ирганай находится в Унцукульском районе Дагестана. С одной стороны от него тянется Гимринский хребет, с другой — водохранилище Ирганайской ГЭС, образованное на реке Аварское Койсу. Со смотровой площадки нового поселения — оно чуть повыше старого — открывается вид на искусственный водоем: широкая гладь водохранилища, отражающиеся в нем горы, а правее — то, что осталось от старого Ирганая. Местные жители признают, что вид чудесный, но радости им это не приносит — именно гидроэлектростанция и стала источником всех сегодняшних проблем ирганайцев, оставшихся без домов, садов и работы.

Ирганай до затопления. Фото из архива Магомеда Алигаджиева

Долгострой

Решение о строительстве ГЭС в Унцукульском районе было принято еще в 1977 году, но его реализация затянулась на тридцать лет — к заполнению водохранилища приступили только в 2008 году. В результате под воду ушло 940 гектаров сельхозугодий и садов жителей близлежащих поселков — Майданского,

Унцукуля, Ирганая, Аракани Унцукульского района и Кудутля Гергебельского района. Больше всего пострадали ирганайцы — они потеряли 85% сельскохозяйственных земель и были вынуждены переселиться на новое место.

Жители села вспоминают, как хорошо жилось в старом Ирганае — они неплохо зарабатывали на продаже фруктов, работали на консервном заводе, держали коров и коз. Теперь земли для пастбищ и садов не хватает, молодежь уезжает в Северную Осетию, Сочи и Москву на заработки.

— Цветущая долина Дагестана, вот так Ирганай называли. Раньше, чем в других местах, у нас черешня, абрикосы, тутовник поспевали, инжир, хурма. А после строительства ГЭС фрукты поспевают на три недели позже. Мы не только сами были обеспечены работой, но и привлекали людей из других районов на сезонные работы, а сегодня 90% людей безработные, — говорит 71-летний житель села Гамзат Гамзатов.

Хотя местные жители уверяют, что после строительства гидроэлектростанции климат «испортился», тут и сейчас погода заметно лучше, чем даже в соседнем поселке Шамилькала. В отличие от дождливой Махачкалы и туманного Буйнакска в Ирганае ярко светит солнце.

Гамзат Гамзатов. Фото: Ильяс Хаджи / Медиазона

После вышедшего в 1977 году постановления правительства республики о начале строительства Ирганайской ГЭС жителям села, чьи земли попали под зону затопления, запретили строить новые дома и сажать сады. Ирганайцы восприняли решение властей с неодобрением, но открыто протестовать в то время не решились.

— Моего брата, сейчас покойного, на 15 суток посадили за то, что он на собрании встал и сказал, что не хочет терять сады, и с ним еще несколько человек. Вот так людей пугали, и не могли люди против власти вставать. После запрета на освоение земель, жизнь была остановлена, — вздыхает Гамзатов.

Жителям села обещали, что после строительства гидроэлектростанции они заживут еще лучше: их переселят в новые дома, проведут водопровод и канализацию, обеспечат новые рабочие места, а электроэнергия для них будет бесплатной, говорит бывший глава села Магомед Алигаджиев.

Ирганайцев заверили, что сады будут полностью восстановлены на новом месте, а консервный завод, который тоже находился в зоне затопления, отстроят заново. Однако когда генеральный проектировщик зоны затопления Ирганайской ГЭС и самой гидроэлектростанции Ленгидропроект-[2] начал готовить проектную документацию на посадку новых садов, обнаружилось, что сажать деревья негде. Тогда генпроектировщик предложил выплачивать жителям зоны затопления пожизненно наследуемую рентную плату вместо восстановления

сельзохугодий. Правительство Дагестана с этим предложением согласилось.

Также Ленгидропроект должен был разработать разные варианты завершения строительства водохранилища Ирганайской ГЭС на отметке от 521 до 547 метров над уровнем моря. Исследователи определили, что наиболее оптимальной, в том числе и по затратам, станет отметка в 535 метров, при которой реализуется 90% проектной мощности Ирганайского гидроузла.

Посла распада СССР жители Ирганая распределили между собой земли бывшего совхоза — выходило по 18 соток на каждого жителя с расчетом, что шесть из них будут затоплены, рассказывает Алигаджиев.

Магомед Алигаджиев стоит возле разрушенного родительского дома в старой части села. Фото: Ильяс Хаджи / Медиазона

Перед началом строительства ГЭС в 1980-х годах началось переселение жителей села на новое место — в паре километрах выше по течению реки. Жители прозвали поселение новым Ирганаем. Там им начали выделять участки под строительство домов — для этого власти должны были разровнять 67 гектаров земли, но разровняли почти в половину меньше — всего 36 гектар.

— Других мест просто не нашли. Вы же видите: вот водохранилище, вот горы, и вот сюда всех воткнули, — машет Алигаджиев в сторону нового поселения. —

Детский сад должны построить, спортплощадки, но просто негде. Люди вынуждены ездить в Махачкалу, Буйнакск и другие города. У Ирганая богатое прошлое, но без будущего. Сейчас [в селе] живут 2200-2400 жителей, примерно столько же, сколько жило в 1970-х, рост населения остановился.

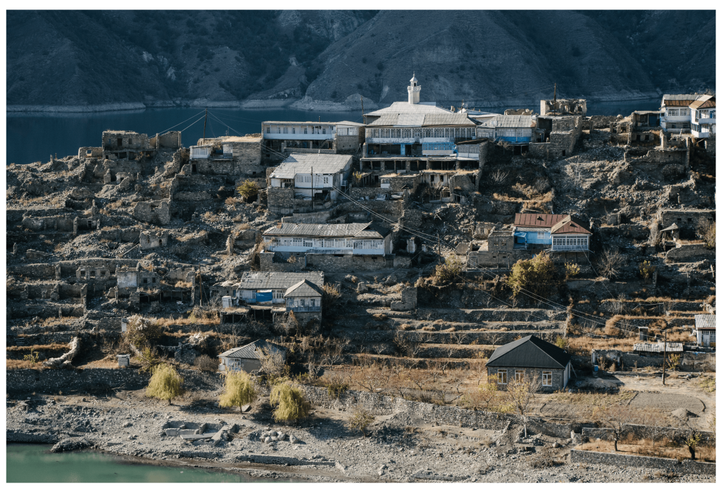
Переселение и протесты

К середине 1990-х в старом Ирганае закрыли все государственные учреждения. «Сказали, что ничего не останется и уйдет под воду, людей вынуждали переселяться», — говорит Гамзат Гамзатов.

Однако после решения заполнить водохранилище до отметки в 535 метров[3] над уровнем моря, ирганайцам,

чьи дома располагались выше, разрешили вернуться в старое село.

— Нам сказали: «Возвращайтесь, можете посадить деревья, все, что хотите, делайте, они не будут затапливаться». Разрешили людям вести хозяйственную деятельность с 1992 года. Кто деревья посадил, кто жилье построил. После этого [в 2008 году] выходит план мероприятий по переселению всех жителей из домов, находящихся ниже 547-ой отметки. Людям сказали: «Живите!», 18 лет говорили, что выше 535-ой отметки наполнять не будут. Это получается на 12 метров ниже, чем сейчас! — возмущается Алигаджиев.

Оставшаяся не затопленной старая часть Ирганая. Фото: Ильяс Хаджи / Медиазона

К тому времени ирганайцы уже несколько лет устраивали акции протеста, поскольку власти затягивали и с выплатами за потерю садов, и со строительством нового поселка. Инфраструктура в новом Ирганае до сих пор не доведена до ума, говорит жительница села Райсат Ахмедова: «Канализационные стоки [текут] по дорогам, нет асфальта, нет воды, построили пару курятников для переселенцев — двухэтажные дома из [строительных] отходов».

Когда жители жаловались, что власти сильно отстают от плана по переселению, чиновники уверяли, что не запустят ГЭС до тех пор, пока не обеспечат ирганайцев новыми домами и компенсациями, говорит Магомед Алигаджиев.

Шло время, а обещания так и не были выполнены. По словам бывшего главы села, жители несколько раз устраивали забастовки, пытаясь привлечь внимание властей. Однако дагестанские чиновники встали на сторону энергетиков и воспринимали жителей «как врагов», считает он: «В 2005 или 2006 году было совещание в правительстве с приглашением РАО "ЕЭС России"[4], я там присутствовал, и я им сказал:

"Слушайте, я как глава администрации села вам обещаю, что вы не получите водохранилище, пока вы не завершите то, что нам положено. Мы встанем

вокруг водохранилища живой цепью, вы можете нас утопить, но мы вам водохранилище не дадим"».

Однако после убийства в декабре 2007 года депутата народного собрания Газимагомеда Магомедова, больше известного как Газимагомед Гимринский, на территории Унцукульского района был введен режим контртеррористической операции, из-за которого местным жителям запретили любые акции протеста: вдоль дороги постоянно стояли военные машины, силовики устраивали зачистки и задержания.

Несмотря на то, что основной версией убийства Газимагомеда Гимринского считается месть боевиков — в первую чеченскую он воевал на стороне сепаратистов, после перешел на сторону федеральных войск — ирганайцы предполагают, что причиной могло послужить и то, что Магомедов поддержал жителей их села в конфликте против энергетиков.

Один из водосбросов Ирганайской ГЭС. Фото: Ильяс Хаджи / Медиазона

Выше отметки

28 апреля 2008 года правительство Дагестана утвердило акт о готовности водохранилища Ирганайской ГЭС и наполнению до отметки в 547 метров. В документе говорится, что средства по подготовке ложа водохранилища освоены и работы выполнены в полном объеме, но ирганайцы получили

акт приемки водохранилища, в котором указаны замечания Роспотребнадзора и администрации Унцукульского района.

В документе отмечалось, что санитарная очистка ложа водохранилища завершена лишь на 30%: не расчищены 70 гектаров абрикосовых садов, не закончена реконструкция очистных сооружений в селах, расположенных у водохранилища, а в самой зоне подтопления остаются около 50 домов[5].

Администрация района в обращении к правительству указала, что наполнение водохранилища, пока в новом Ирганае не отстроены дома, не обустроена инфраструктура, а жители не получили компенсации, приведет к конфликтам. Власти эти сведения проигнорировали.

Местные жители утверждают, что из-за неправильной подготовки ложа водохранилища погибли несколько человек.

— В один день утонуло четыре человека по вине энергетиков, мои родственники. Двое детей, восьми и десяти лет, и женщины, им было около 20 лет. Они шли по берегу и упали с обрыва, хотя при подготовке ложа водохранилища там должны были все разровнять. Не должно было быть уступов больше 50 сантиметров. Но ничего не было сделано. Мы не может добиться возбуждения уголовного дела, — говорит Гамзатов.

— Когда это произошло, люди, которые должны были возбудить уголовное дело, пришли к [родственникам]: «Ле[6], на все воля Аллаха, маслихат[7]

надо делать, давайте мы вам деньгами поможем». И, короче, не возбудили уголовное дело, — подхватывает Алигаджиев.

В конце мая 2008 года Русгидро сообщило о начале наполнения Ирганайского водохранилища. Возмущенные сельчане вышли на митинг. Тогда в Ирганай приехал зампред правительства Дагестана Ризван Газимагомедов[8], который на тот момент курировал зоны затопления, и заверил жителей, что наполнение водохранилища остановят на отметке 535 метров.

Старый Ирганай. Фото: Ильяс Хаджи / Медиазона

По плану вода должна была подниматься по полметра в сутки, но из-за сильного паводка уровень вырос слишком резко, и 13 июня сады, консервный завод и дома ирганайцев, располагавшиеся ниже 547-й отметки, оказались под водой.

— Вода в дом пришла ночью неожиданно для всех. Повезло, что было лето, — вспоминает события 12-летней давности жительница Ирганая Райсат Ахмедова — Мы экстренно выезжали из своих домов, не понимая, куда нам идти и что делать. Жили месяц в палатках, которые сами люди установили на участке выше зоны затопления. Из соседних сел люди оказывали помощь, приносили поесть.

В Ирганае женщина жила вместе с родителями и братьями. После затопления семье пришлось скитаться по родственникам, в итоге братья Райсат переехали в Буйнакск. Ее отец умер так и не дождавшись ни жилья, ни земли, ни выплат за дом.

Компенсации

Всего под водой оказались 1805 гектаров земель: из них чуть более 937 гектаров сельхозугодий, в том числе четыреста гектаров плодоносящих садов — это половина от всей площади садов Унцукульского района, 50 гектаров пашен, 150 гектаров сенокосов и более 330 гектаров пастбищ. Компенсацию за потерю дома получила 1 191 семья, говорит Алигаджиев, еще почти столько же — 1 151 семья — ждет выплат до сих пор. По его словам, примерно 3 тысячи семей не получили никаких компенсаций за затопленные сады.

— Они предложили компенсацию 10 тысяч рублей за сотку [затопленной земли], взяли норматив с потолка. Это не рыночная цена. Где ты купишь за 10 тысяч сотку? Мало того, [тем, кто согласился взять деньги] 9 200 [рублей] дали, а 800 оставили на дальнейшее восстановление! Вот этот человек, — Гамзат Гамзатов кивает на бывшего главу селу, — кричал: «Не надо брать эти деньги», но у людей не было средств, они взяли эти деньги.

Незадолго до затопления водохранилища с ирганайцами подписали договор, по которому власти обещали рассчитаться с жителями к 2013 году. Стоимость всего проекта в ценах 2012 года, когда была сделаны подсчеты, составила 9,4 миллиарда рублей.

Вдали - новый Ирганай, старая часть села практически полностью осталась под водой. Фото: Ильяс Хаджи / Медиазона

Выплаты ирганайцы должны получить из федерального бюджета, но для этого дагестанскому правительству необходимо направить в министерство экономического развития бюджетную заявку и пакет подтверждающих документов. Этого жители пострадавшего села добиваются уже больше десяти лет, рассылая жалобы во все инстанции.

Для защиты прав пострадавших при строительстве ГЭС была создана общественная региональная организация «Справедливость в обществе», которую возглавляет Гамзат Гамзатов. «Изначально целью нашей организации был контроль поступающих из федерального и республиканского бюджета средств и их расходование на восстановление сельского хозяйства и агропрома, на компенсирование жилья, садов, пастбищ», — объясняет он.

— Чиновники меняются, а отписки пишут буква в букву, — говорит 61-летний Шамсудин Шамсудинов. Сейчас мужчина на пенсии. Он пишет жалобы от имени ирганайской общественной

организации. Земляки называют Шамсудинова самым подкованным в этом вопросе — половину от всех обращений ирганайцев написал он. На встречу он приходит с толстой папкой бумаг — перепиской с чиновниками и надзорными органами с 2013 года.

— У меня был старый дом в Ирганае, в 95-м я собственными силами переехал на новое место, за дом какую-то компенсацию дали, но даже половины не окупило. За 60 соток [затопленной] земли ничего не дали. Я работал на старом консервном заводе, потом был замом главы администрации до 12 года, после ушел с работы, и вот пишу, — Шамсудинов кивает на свою папку, где хранятся все его обращения и ответы на них.

12 декабря 2018 года пенсионер попал на прием к зампредседателя правительства Дагестана Владимиру Лемешко, который курирует вопрос ирганайцев. Чиновник пояснил, что он «человек новый», но обязательно изучит и решит их проблему, говорит Шамсудинов. Ровно через год мужчина вновь оказался на приеме у зампреда Лемешко.

— Я говорю: «Вот год прошел, Владимир Викторович», он в ответ: «Вот вы же в Унцукульском районе на суде выиграли, уже вам деньги выделены». Я говорю: «Извините, это не нам, это деньги для Временного поселка, за испорченное имущество в результате КТО».

Шамсудин Шамсудинов. Фото: Ильяс Хаджи / Медиазона

«Ну это же тоже Унцукульский район», — он говорит. Вот какое отношение поселок Временный имеет к зоне затопления? — возмущенно пересказывает разговор с чиновником Шамсудинов. — Потом он мне прямо сказал: «Обратитесь в суд, а то вы еще долго будете получать отписки».

В ноябре министр экономического развития России Максим Решетников попросил премьера Михаила Мишустина совместно с правительством Дагестана определить справедливый размер компенсаций жителям сел Унцукульского района и ответственный за их выплату орган власти.

Сейчас рассматривается сумма в 10,9 млрд рублей, из них 5,7 млрд рублей должны быть потрачены на возмещение стоимости изъятых земель и объектов недвижимости, а также 2,4 млрд рублей за изъятие жилых домов, 2,8 млрд рублей на завершение строительства 25 капитальных объектов.

Ирганайцы обратились за юридической помощью в правозащитный центр «Мемориал». Юрист «Мемориала» Марина Агальцова в ноябре этого года подала иск в Пресненский районный суд Москвы от имени 567 пострадавших при строительстве Ирганайской ГЭС, обвиняя в бездействии как федеральные, так и местные власти — министерство

экономического развития РФ, правительство и министерство энергетики республики.

— Не думаю, что само по себе судебное решение даст возможность что-то исправить, так как если власти захотят бездействовать, то они будут бездействовать. Но все-таки обычно госорганы не любят, чтобы были решения против них. Поэтому наша цель, чтобы до вынесения решения суда госорганы все согласовали, — поясняет Агальцова.

Юрист приводит в пример судебные процессы с пострадавшими от КТО в 2014 году жителями поселка Временный Унцукульского района. Тогда суд признал бездействие властей. Агальцова отметила, что с момента подачи иска прошел год и за это время госорганы начали решать вопрос компенсациями. «Надеюсь, в этом деле будет так же. Уже сейчас есть реакция от федеральных властей на наше июньское обращение в Минэкономразвитие РФ. На днях со мной даже связывался представитель Минэнергетики Дагестана и мы с ним обсуждали эти письма», — говорит Марина Агальцова.

— Если Конституция и кодексы гражданские работают, мы должны все это получить, — уверен Шамсудин Шамсудинов.

— А если проиграете?

— Мы будем любыми путями в рамках закона привлекать внимание к нашей проблеме! — встревает Гамзатов.

— И в ЕСПЧ обратимся, — добавляет Шамсудинов.

В ответ на запрос «Медиазоны» в правительстве Дагестана отметили, что за последние семь лет руководство республики несколько раз обращалось в федеральные органы исполнительной власти, однако «решение об определении уполномоченного органа по выплате компенсационных средств пострадавшим от строительства Ирганайской ГЭС еще не принято». Сейчас этот вопрос прорабатывается республиканским министерством энергетики и министерством экономического развития России, говорится в ответе дагестанского правительства.

Справа в углу недостроенный консервный завод. Фото: Ильяс Хаджи / Медиазона

Старый Ирганай

— В компенсацию заложена и упущенная выгода за десять лет, то есть это стоимость того урожая, который я получал бы при нормальных условиях с этого сада. А дальше я, моя семья и мои наследники за счет чего должны жить? — рассуждает Магомед Алигаджиев по дороге к старому Ирганаю.

— Кроме упущенной выгоды, нам еще должны еще земли, в правительстве Дагестана говорили: «Вы нас за глотку не берите, вы же знаете, земельный вопрос очень больной для Дагестана, мы ищем пути выхода,

мы вам компенсируем земли, мы вам дадим земли». Те, кто обещали, ушли, а новые даже не знают об этом.

Нужно вернуться к первоначальным планам, считает бывший глава, — пожизненно наследуемой ренте за потерю садов и оплате электроэнергии по себестоимости, это ирганайцам обещали еще на этапе строительства ГЭС.

— В Унцукульском районе не было понижающей подстанции, но Дагэнерго обещало бесплатно транспортировать [электроэнергию в Ирганай], но это все на бумаге и это все забыли, мы платим как все, ни одной льготы. По ренте пожизненной были сделаны расчеты: для того, чтобы компенсировать убытки от потери сельхозугодий, нужно 36,4% выработки электроэнергии оставлять в Унцукульском районе, а мы сегодня ни одну копейку, ни одного киловатт-часа не получаем.

— А что-нибудь хорошее принесло ирганайцам строительство ГЭС?

— Принесло! Мы стали меньше мучаться, чаще и быстрее умирать, — смеется Алигаджиев. — А если серьезно: никакой пользы.

Все, что осталось от старого Ирганая, — небольшая возвышенность у самых берегов водохранилища, на которой теснятся старинные каменные дома. Это место никогда не затапливалось, но от большинства строений остались одни стены — при переезде люди, получившие участки в новом селе, забирали все, что можно было использовать для строительства домов — бревна, окна, двери.

— Если люди перестают жить в домах, они начинают рушиться. У нас все дома тут были под плоской крышей, и после каждого дождя нужно было укатывать ее, чтобы вода не просачивалась, а когда ушли все стало разрушаться, — поясняет Гамзат Гамзатов, почему старый Ирганай выглядит так, будто стоит заброшенный уже сотню лет.

Правда, некоторые сельчане, которым не хватило места в новом Ирганае, вернулись в старый. То тут, то там видны заново обжитые дома. 76-летняя Маймунат недорого купила свой нынешний дом: после затопления старые хозяева отдавали его за бесценок, женщина восстановила его и живет вместе с сыном и невесткой.

— Ничего хорошего тут нет, в новый Ирганай надо идти за продуктами. Раньше у меня было 90 соток: абрикосы, слива, черешня, мы ничего не должны были покупать, еще и на завод сдавали остатки. Ничего не осталось, — говорит женщина.

Закарья. Фото: Ильяс Хаджи / Медиазона

У самой кромки водохранилища живет другой местный житель — 60-летний Закарья.

— Это наш Робинзон Крузо, — представляет мужчину Гамзатов.

— Я местный дикарь! — смеется Закарья. Он одет в свитер как у советского геолога, у него всклокоченные волосы и борода. Закарья говорит, что восстановил чье-то заброшенное жилище самостоятельно.

Большую часть жизни мужчина прожил за пределами Дагестана, но потом решил вернуться в старый Ирганай.

— Надоело в России, а тут ко мне туристы приезжают, и местные приходят. Вот сидишь здесь: Шамилькала видна, новый Ирганай, Майданское. Прям отсюда, из сада, закидываю удочки — сазан, кефаль, сомы, карпы, уклейка. Все что хочешь здесь есть, все прекрасно, — весело говорит Закарья.

— Значит, вы нашли выгоду в строительстве ГЭС?

— Ну какая выгода! — мужчина сразу становится серьезнее. — Лично у нас был прекрасный сад, был прекрасный завод, люди были обеспечены работой, голодных не было, было общение. Что такое кредиты, долги — никто не знал. У нас был самый мирный район. После того, как эта ГЭС появилась, у нас появились «лесные братья». Молодые мужики начали умирать, зоб появился, онкология появилась. Мы самые обездоленные теперь.

Закарья показывает примерное место, где под водой остался старый консервный завод. Новый в селе так и не построили. Возвели один цех и забросили на 15 лет. В 2008 году решили начать заново: цех снесли и начали строить другой, поменьше. Возвели каркас здания, а потом забросили и его.

Мечеть в старой части села. Фото: Ильяс Хаджи / Медиазона

Зато старинная мечеть, в которой в свое время молились и учились имам Шамиль, имам Газимагомед и преподавал их учитель Магомед Ярагский, действует до сих пор.

— При археологических раскопках выяснилось, что тут было поселение еще в эпоху бронзы, — говорит Алигаджиев. — Потом тут было вольное общество Ирхан, так как всегда была благоприятная природа. Где-то были ханы, беки, шамхалы, а у нас все люди были вольные. В года Кавказской войны Ирганай некоторое время был столицей имамата. При коммунистах у старой мечети крышу снесли, но стены стояли, мы потом ее восстановили. У нас очень богатая история была.

Родной дом бывшего главы Ирганая тоже не ушел под воду — он стоит заброшенным и полуразрушенным совсем недалеко от мечети. Дом в новом поселке, который Алигаджиев начал возводить в 90-х, так и остался незавершенным. Мужчина снимает квартиру

в поселке Шамилькала в семи километрах от родного села.

— Честно говоря, я не люблю этот новый Ирганай, у меня душа не лежит к нему, там и погода нехорошая. Я хочу восстановить отцовский дом, и я, иншалла, вернусь сюда. Хочу тут жить, ходить в старую мечеть, в которую ходили наши предки.

Редактор: Мария Климова

---

1. Алигаджиев возглавлял администрацию села в 1997-2007 годах
2. В настоящее время проектно-изыскательский институт, выполняющий функции генерального проектировщика в области гидроэнергетики в составе ПАО «РусГидро».
3. Согласно документам, к такому решению проектировщики пришли в 1992 году, а окончательно утвердили его в 1998-м.
4. Российская энергетическая компания, существовавшая в 1992-2008 годах.
5. Сами ирганайцы насчитали около 100 домов, попавших в зону затопления.
6. Обращение к мужчине на аварском языке
7. Маслихат (или более употребительное маслиат) — способ урегулирования конфликтов с привлечением авторитетных посредников, вроде старейшин или религиозных деятелей. Традиционно распространен у народов Северного Кавказа и, в частности, в Дагестане.
8. Должность зампреда занимал в 2007-2013 годах. В 2019 году назначен исполнительным директором ООО «Газпром газораспределение Дагестан».